

Л.С. ВАСИЛЬЕВ

Стремительный бег истории

В статье идет речь об ускорении темпа эволюции человечества. Автор анализирует ситуацию, опираясь на свои представления о функциях исторического знания. В частности, рассматривается конфликт между интересами Природы и гуманистическими основаниями человеческого общества.

Ключевые слова: бег истории, закон Природы, эволюция, бедные и отсталые, перенаселение, перспективы будущего.

The article is devoted to the acceleration of rate of evolution of mankind. The author analyzes a situation, relying on the ideas of functions of historical knowledge. In particular the conflict between interests of the Nature and the humanistic bases of human society is considered

Keywords: history run, Nature law, evolution, poor and backward, overpopulation, future prospects.

Работа над шеститомной “Всеобщей историей”, двухтомным учебным пособием “История Востока”, многолетние исследования древнего Китая, истории религий и истории религий Востока привели меня к новому осмыслению ряда глобальных проблем современности. Важнейшей из них считаю проблему эволюции, то есть шагов, да и вообще хода, а ныне уже и стремительного бега, истории. Уверен, что многие из тех, кто писали и пишут о пределах роста и о печальном будущем планеты, если человечество не обратит на ситуацию должного внимания, думают, как и я. Но не у всякого хватит времени и сил, отчасти и накопленного опыта, не говоря уже о необходимых знаниях, чтобы не просто поставить вопрос, но и побудить читателя задуматься. Отнюдь не преувеличиваю и своих возможностей, тем не менее надеюсь написать нечто важное и что читатели поймут меня.

Обязанности профессионала побуждают меня думать о законах истории. Кроме того, сама жизнь – быть может, много резче, чем по отношению к другим, – вынуждает меня как обремененного знанием и с ним достаточной степенью понимания того, что происходило и происходит на планете, реагировать на ее реалии. Так чего, собственно, я хочу? Вот теперь об этом, об истории и эволюции.

История об эволюции и недавнем прошлом

Человечество, обремененное Разумом, доставшимся ему в процессе эволюции, вместе с ним, естественно, получило от Природы некие законы бытия. Реагируя на вызов, который в рамках нашей планеты формулируется ответственной за нее Природой (появление Вселенной тоже можно понять как адекватный ответ на некий космический вызов), все живое с его вершиной – *homo sapiens*, дает ответы, адекватные и не очень. Поэтому одни виды процветают, менее приспособленные гибнут, уступая

место более удачливым. Природа судила так, чтобы **методом проб и ошибок в форме неисчислимых мутаций добиваться некоего совершенства.**

Не трогая другие виды, подчиненные законам дарвинизма, коснусь лишь истории людей. Вся она с доисторических времен, когда развитые цивилизации начали вытеснять отстававших, насыщена жестокой борьбой за существование. В ходе ее шел естественный отбор с выживанием более приспособленных. Не всегда это были лучшие, но часто более динамичные и сильные, например примитивные кочевники, на своем пути уничтожавшие все и вся. Их *неукротимая энергия* родила представление о некоей будто бы заслуживающей почтения **пассионарности**. Увы, это не так. *Неукротимые* способны уничтожать, а развивали интеллектуальные потенции человечества мудрецы. Теснимые кочевниками цивилизации древности выживали, но какой ценой! Это цена жизни тех, кто не выжили и не оставили потомства.

Итак, что важно для нашей темы, выживали победители, со временем ассимилировавшиеся за счет плененных ими женщин из высокоразвитых цивилизаций. Наиболее отчетливо это демонстрирует история Китая, устоявшего перед нашествиями кочевых племен степной зоны. Несколько иначе складывалась судьба стран, завоеванных кочевыми вельможами исламом аравийскими бедуинами. Но в любом случае *неукротимые*, теряя варварскую свою идентичность, сохранялись в потомстве и тем оказывались в выигрыше. **История** в ходе этого процесса всегда **была лишь объективным свидетелем**, сохранявшим в своей памяти события в жизни всех – как уничтоженных, так и выживавших. Она же **вела** статистический **учет событий**, изредка, по мере накопления значимых сдвигов в образе и условиях существования, а также в темпах новаций. Оттого и складывалось, закрепляясь в умах мысливших, представление о том, будто именно история руководит людьми, выступая учителем жизни.

В некотором смысле это именно так, ибо знакомство с историей позволяло учитывать все то, что происходило в прошлом. Впрочем, это нечасто помогало и редко служило предостережением. Потому функция учителя жизни, при всей кажущейся ее значимости, главной не была. А вот **функция созерцателя, регистратора и статистика оказалась** для нее едва ли не **главной** в том смысле, что, сравнивая темпы и формы эволюции в прошлом с современностью, **те, кто больше других знали о прошлом, имели немало оснований судить о будущем.** Собственно, именно это и побуждает меня высказать свои суждения о стремительном движении мира в будущее.

Гибель людей в многочисленных войнах, коими был насыщен каждый век, вела к тому, что выживали и оставляли потомство не лучшие. Лучшие-то часто погибали прежде других. Нередко бывали и времена, когда голод, эпидемии или катаклизмы приводили к гибели многих, порой большинство, так что лишь случайно выжившие оказывались способны воспроизвести и выкормить потомство. Иначе говоря, отвечая на вызовы Природы, человечество всегда платило за выживание высокую цену. Генофонд общества в борьбе за существование обычно не обогащался, в лучшем случае не слишком быстро ухудшался за счет выживания лучших, которые реже других оказывались приспособленными и оставляли обильное потомство. Что это означает?

Замечу, что рассуждение о лучших и всех прочих не имеет ничего общего с отказом от гуманности, то есть человеческого отношения ко всем людям, даже вообще ко всему живому. Но, осознанно подчеркивая это, скажу, что само по себе гуманное отношение к каждой живой душе никоим образом не элиминирует того не симпатичного гуманисту факта, что матерью-Природой ситуация всегда оценивалась иначе и что для этой ее оценки были и есть более чем веские основания. **А видно это при более близком знакомстве с историей.**

История сама по себе ничего не создает и ни за что ответственности не несет, ибо не влияет на путь человечества. Скорее, можно сказать нечто противоположное: человечество реагирует на уроки прошлого или не делает этого. Влияет же Природа. Ее функция в том, чтобы в борьбе видов или внутри вида – в нашем случае сапиентных – не нарушалась, но напротив, сохранялась приемлемая по отношению к реалиям и ресурсам планеты норма. Существование нормы гарантирует существова-

ние жизни на планете с необходимым для процесса эволюции постоянным движением вперед, которое и есть смысл эволюции. А раз так, то **роль истории как скромного регистратора событий и некоего их архива** во всем том, что касается проблемы эволюции, вроде бы **не слишком велика**. Тем не менее – вовсе не незначительна. **В ее анналах**, если уж на то пошло, сохранено то, что может при умелой интерпретации дать мыслящей части человечества (снова прошу извинения за то, что не стою на позиции интеллектуального равенства всех) **немало материала хотя бы для того, чтобы понять позицию матери нашей Природы**.

Позиция эта определяется принципами естественного отбора, сформулированными Ч. Дарвином, а также импульсами, содействующими выправлению нарушенной нормы. Импульсы эти предлагаются всему живому на планете в форме неких вызовов, улавливаемых видами на уровне инстинкта или – для обладающих разумом людей – при участии разума, и предполагающих адекватные ответы со стороны тех, кто эти импульсы уловил. Отсутствие такого ответа или недостаточная степень его адекватности ликвидирует либо снижает возможности выжить и тем обрекает вид на вымирание. **Выживают или вымирают**, повторю, не лучшие или худшие (критерия для вычленения тех и других практически не существует), но **сумевшие или не сумевшие приспособиться**. Происходило это без каких-либо сложностей, в том числе и в мире людей, достаточно долго.

Это были десятки тысячелетий, когда мелкие и редкие шаги истории почти не замечались, когда любое поколение рождалось и умирало примерно в одних и тех же условиях существования с детьми и внуками, без очень редко случавшихся и далеко не в каждом поколении заметных новаций. Регулирование численности человечества и его поведения по отношению ко всему живому было естественным, а когда оно начинало вызывать опасения, импульсы-вызовы Природы восстанавливали норму без всяких сложностей. Люди импульсивно-интуитивно адекватно отвечали на призыв Природы помочь ей (в случае с неолитической революцией это было особенно четко проявлено), а те, кто не отвечали, отгеснялись преуспевшими.

Все начало решительно меняться с момента социополитической мутации, давшей жизнь энергичной и динамичной античной структуре. Она со столь свойственными ей новациями, со свободными гражданами и протокапиталистическими предпринимателями в рамках либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры была уникальной новацией, гарантировавшей взлет эволюции человечества, до того включенного в застоявшийся мир Востока. Она не имела ничего общего со структурой власти-собственности с ее рабски приниженными подданными, включая и *неукротимых пассионариев*. Это было нечто новое, открывавшее двери к энергичному ускорению шагов истории. Не сразу новое одолело старое. Не сумев выиграть соревнование, оно поначалу потерпело поражение в схватке с кочевниками (как с варварами в основной части Европы, так и с мусульманами в Иберии).

Но появилось на свет это новое не случайно. Будучи импульсивно-интуитивным ответом продвинутого меньшинства на вызов Природы, встревоженной отсутствием движения на традиционном Востоке, оно призвано было заместить старое во всем том, что имело отношение к энергичному процессу модернизации. Природа не спешила, но в силу ее функций она вынуждена была смотреть далеко вперед, и элементарная экстраполяция ситуации на будущее ее не устраивала. Движение остановилось, что грозило энтропией и потому не вписывалось во вселенские принципы эволюции. Не рассуждая (Природа не живая, не обладает разумом, но не безжизненна), но импульсивно ощущая угрозу, она, насколько можно понять, была вынуждена дать сигнал человечеству. Этот сигнал и был принят крохотной его частью.

Незначительность коллектива древних греков не помешала им одолеть мировую империю персов и руками Александра изменить облик Ближнего Востока. И хотя античному миру это в конечном счете – во многом из-за натиска исламизованных кочевников – не помогло, мир все же изменился. Произошло это на территории Западной Европы, где античные традиции, особенно в городах с их самоуправлением римского типа, сумели одолеть примитив раннего феодализма варварских королевств и, в сочетании с христианством, выйти на авансцену истории. И не только выйти, но и в значимые

периоды расцвета гуманизма, Ренессанса и Реформации стать в некотором смысле другими. Здесь меня тоже могут не понять и пытаться протестовать, имея в виду негативное отношение к феномену колониализма. Я потратил немало усилий, чтобы объяснить во многих своих книгах, что такая оценка марксистов и тех, кто не в состоянии конкурировать с передовым Западом, не только несправедлива, но искажает реальность.

Вкратце моя позиция элементарна. Предбуржуазная предпринимательская активность одна только, что убедительно демонстрирует история, способна была стимулировать производство и создать мировой рынок, выгодный всем. Выгода в том, что отсталые застойные формы существования замещались не просто новыми, но открытыми для постоянного ускоренного экономического развития и энергичного усовершенствования, которые при посредстве всепоглощающего и всюду проявляющего себя рынка становятся, пусть не сразу, доступны всем. Разумеется, первые поколения вестернизованных и модернизованных колонизаторами народов этого не ощущали, и на внешнюю экспансию предбуржуа из Европы реагировали не очень доброжелательно. Но стоит заметить, что и предбуржуа эти, как и стоявшие за ними европейские государства, не слишком давили на колонизируемые ими страны и народы.

Задумайтесь: если бы испанцы не появились в Америке, там продолжали бы существовать режимы, главной чертой которых, наряду с немалыми достижениями в строительстве городов и развитии хозяйства, было массовое принесение людей в жертву местным богам. Католики-испанцы покончили с этим и познакомили местное население с культурой Европы. Не стану настаивать на том, что культура эта много дала, но кровавых жертв не стало, а приток африканских рабов – не слишком respectable дело, хотя и привычное в ту эпоху на Востоке, – способствовал развитию плантаций и дал старт медленному поступательному развитию христианизованной и метисной Латинской Америки. Спустя два века после этого вся она, уже благодаря наполеоновским войнам, получила свободу от Испании. Пришел конец ее колониальной зависимости, и началось постепенное развитие еще очень сильно отстававшего от других цивилизаций субконтинента.

Португальцы положили начало колониальному освоению Востока. Они не вывозили в Европу местное золото и серебро, что делали испанцы, а напротив, были вынуждены сами платить, пусть немного, за росшие там пряности. Но торговля с Западом, что очень важно, способствовала развитию стран, затронутых колониальной экспансией европейской предбуржуазией. И очень существенно, что после этого все колонизованные страны, кроме разве тропического черного пояса Африки, вступили на путь не просто энергичного, но и позитивного для местного населения развития. История беспристрастно свидетельствует именно об этом.

Словом, если не жить примитивными представлениями о том, будто колонизация и вестернизация для неевропейского мира были лишь злом, складывается совсем иная картина. Суть и смысл ее отнюдь не сводится к Великим географическим открытиям, которые сами по себе очень значимы. Много важнее то, что весь мир вне предбуржуазного европейского Запада, шедшего вперед все ускоряющимися шагами и достигавшего в этом движении век от века все более потрясающих результатов, тоже как бы вышел из состояния спячки и, заметно убустря темп, начал изменяться. Изменения шли на протяжении веков (речь о XVI–XIX столетиях) не просто с ускорением, но и успешно, причем как раз для отставших в развитии по сравнению с Западом стран и народов. Речь как о высокоцивилизованных, так и о не достигших стандарта развитых цивилизаций, а то и вовсе застрявших где-то на полупервобытном уровне, вплоть до окраинных лимитрофов-маргиналов.

Ускорение шагов истории

Доказывать успешность передовых стран, где частнопредпринимательская экономика развивалась быстрее и эффективнее, особо не приходится. В наши дни, когда примитивное представление о неких *производительных силах*, которые будто бы всегда развиваются, хотя и непонятно, почему они где-то действительно многого

добиваются, а где-то стоят на месте, ушло в прошлое, на передний план выходит проблема генеральных причинно-следственных связей. Понятно, что определяют темпы и гарантируют результаты эффективной идеи, которые получают полный простор для своей экспликации лишь в свободном либерально-демократическом обществе (в других они обычно особо не рождаются, их там заимствуют либо воруют). Стало быть, для расцвета нужны свобода рук и простор для идей *гражданина*, независимого от произвола власти.

В этом и был смысл античной структуры, противопоставленной восточной. Европейские предбуржуа (буржуа и бюргер – от немецкого корня “*город*”), как и античные протобуржуа, развивали рыночно-частнособственническое предпринимательство и достигали успехов в процессе модернизации потому, что жили в гражданском обществе. Там, где его не было, как в Китае, даже при наличии немалых достижений в сфере идей и изобретений приходилось извлекаться, например, от океанского флота из-за его нерентабельности (в XV в.).

Учитывая сказанное, пора признать, что первична в процессе эволюции, – том самом, за нормальный ход которого отвечает Природа, – социополитическая идейно-институциональная первооснова, определяющая **генеральную структуру**. Их всего две: **восточная власть-собственность с господством управителей и принижением подданных и античная либерально-демократическая с ее гражданским обществом и рыночно-частнособственническим гарантированным выборной властью предпринимательством протобуржуа.**

Мировой рынок, воздействуя из поколения в поколение как на Западе, так и вне его на тех, кто вначале от развития буржуазного предпринимательства мало что обрели, а то и кое-что потеряли (вспомним огораживание в Англии), со временем все поставил на свои места. На смену сопротивлению – от активности луддитов в той же Англии до массовых движений протеста в колониях – модернизация (для Востока в форме вестернизации) привела к появлению новых поколений, начинавших кое-что получать от новаций и потому склонных адаптироваться к изменившимся обстоятельствам. А это в свою очередь и с еще большей силой, способствовало не только полному привыканию ко всевозрастающим в количестве и качестве буржуазным новациям, будь то железные дороги, швейные машинки или застежки типа *молния*, не говоря уже о современных автомобилях, самолетах, радио, телевидении, компьютерах или мобильных телефонах (надеюсь, все понимают, откуда и почему все это пришло, став ныне благодаря мировому рынку достоянием населения планеты), но и неопишному изменению в образе жизни и потребностях тех обществ, которые заимствовали у Запада не только практику потребления, но и нечто большее – от промышленности до перемен в образе жизни.

Я далек от того, чтобы уводить читателя от реалий и представлять дело так, будто весь мир, легко пройдя через расцвет буржуазного предпринимательства и достижений науки и техники XIX–XX вв., а также через войны и массовые социальные эксперименты XX в., только и делал, что процветал. Обо всех невзгодах, связанных с буржуазной эволюцией, и более того – оказавшихся неизбежным ее следствием, писали очень многие. Но спросите у каждого из них, хотели ли бы они вернуться назад в Англию времен огораживания или на любую территорию вне Запада, от Америки инков и ацтеков до застенного Китая, и они призадумаются. Редко кто, да и то скорее в порядке эпатажа, согласится на это. Как ни странно, многие не только не колеблются в своем праве **обвинять Запад в том, что не все отставшие ходят в передовиках**, но и клеймить его за то, что он будто бы не торопится помочь аутсайдерам. И здесь мы подходим к сути дела.

Проблема отставших много серьезней, чем может показаться. Откуда они берутся, да еще в столь гигантском количестве? Вроде бы давно ушли в прошлое времена, когда сколько-нибудь заметных перемен в образе существования долгими веками просто не было. Сегодня не так. При нашей жизни – если говорить о моих сверстниках – появились метро и троллейбусы, многие элементарные электрические приборы и портативные радиоприемники, телевизоры и компьютеры, расцвела электроника, а уж о мо-

бильниках и ноутбуках с интернетовскими сетями и говорить незачем, здесь новации чуть ли не ежегодно. Любой может многое добавить и, осознав, понять, что имеется в виду. Мы не живем, мы почти мчимся, едва успевая осознать и хотя бы частично, порой крайне поверхностно, “переварить” следующие одна за другой новации, каждая из которых требует осмысления и порой резко изменяет нашу жизнь.

Иначе говоря, налицо вызов, совсем уже не от Природы, во всяком случае, в основном не от нее: производите все это поскорее и в как можно большем количестве. Но для кого? И кто, как и когда за все это будет в состоянии платить?

Действительно, количество и номенклатура товаров растут, стремление потреблять их тоже, а вот денег нет. Взгляните на потрясшую мир в 2010–2012 гг. “арабскую весну”. Суть ее в том, что резко возрастающее количество молодых людей в отнюдь не самых бедных и отсталых странах неевропейского мира **хотят многого, но не имеют условий (рабочих мест, причем хорошо оплачиваемых) для обладания желанным.** Но почему так и, главное, что же дальше?

Начну с того, что с XVII в. численность мира вне Запада стала заметно увеличиваться. Это было уже много более заметно в последующие два века и особенно в XX столетии. Учтя, что в ходе войн и репрессий наиболее интенсивно уничтожалось население Европы и что оно стало демонстрировать крайне слабый темп прироста, бесстрастная статистика единодушно относит почти всю прибавку на долю мира вне Запада, причем прежде всего самых бедных и отставших из его представителей. В чем дело, что случилось, почему так и как к этому относиться?

Будучи в числе менее приспособленных, население незападного мира до колонизации существовало в условиях борьбы за существование с выбыванием наиболее отставших. Практически это вело к тому, что инстинкт тех, кто не в состоянии дать адекватный ответ на вызовы Природы и соответственно реагировать на импульсы, диктовал им: надо всюду цепляться за жизнь. Без вмешательства колониализма такое могло бы продолжаться и далее, но вмешательство гуманных колонизаторов (да-да, не забывайте и о гуманизме Ренессанса, изменившего европейцев) очень многое изменило. Ушли в прошлое набеги кочевников, была по мере возможности пресечена массовая гибель от голода и эпидемий, появились европейского типа медицина, санитария и гигиена, выросли большие города с рабочими местами и регулярной платой за труд или продукт труда. И это **ощутимое улучшение условий жизни тех, кто живут инстинктом** (нормативные традиции легко не отмирают), **привело к резкому возрастанию темпов их воспроизводства.**

Грех упрекать отставших в развитии бедных и обездоленных за это, да никто их и не упрекает. Не меньший грех винить их за то, что трудиться хорошо, работать систематически, легко приобретать квалификацию и вписываться в ряды умелых тружеников они не готовы. Это приобретается многими веками, да и здесь немало зависит от исходного уровня и характера привычной нормативной традиции. Все именно так, но видеть реалии со всех сторон и считаться с ними необходимо. А результат налицо: чем более бедна и отстала данная общность, тем активнее она в мало-мальски обеспеченных для того условиях начинает воспроизводиться. Европейцы-христиане, те самые “западные колонизаторы”, которых так легко обвинять в преступлениях колониализма (а они несравнимы с теми, что свершили одни только монголы во главе с Чингисханом и Чингисидами, с которых, как принято считать, спроса нет), искренне считают себя виновными за то, что заставили отставших развиваться. Но они ли виноваты в том, что и ныне отдаленные потомки колонизованных так и не научились работать?

Конечно, это относится не ко всем. Дальневосточная цивилизация не отстает от передового Запада. Лучше всего сказанное видно на примере мигрантов из числа африканцев, в основном мусульман, которые приезжают в страны Запада, рассчитывая на то, что там их должны содержать. И там их действительно неплохо содержат, в ответ получая за это еще и требования не мешать им жить так, как они привыкли, работая ровно столько и так, сколько и как им кажется необходимым. Причем это не отклонение от привычного модуса поведения, но проявление естественной для них

нормы, что заметно и на примере оставшихся дома, в Африке и в других странах, и не в состоянии обустроить свою жизнь, не говоря уже об удовлетворении все растущих потребностей на манер бунтующей арабской молодежи.

Стремительный бег; как с этим быть?

Вот теперь о самом главном. Ускоренный темп, взятый историей в последние два века, – это нечто оправданное и тем более неизбежное? И как следует существовать человечеству в условиях, когда подавляющее его большинство составляют люди отсталые, бедные, обездоленные и не умеющие как следует трудиться?

Авторская новация, используемая в качестве основы концепции, отражена в гипотезе о решающей роли целеполагающей функции Природы в истории жизни на планете, включая и человечество. Сознвая уязвимость этой идеи, я склонен опираться на нее, ибо приемлемой альтернативы – если не ссылаться на Творца с его неисповедимой волей – не вижу. А нужна она для того, чтобы объяснить не столько даже ход истории, о чем было сказано, сколько суть дальнейшего пути. Мы стремимся познать Космос с его отдаленными планетами, но явно не готовы понять и оценить перспективы собственного завтрашнего дня.

А они по меньшей мере тревожны. Человечество позволяет себе все. Оно разбухает и хищнически потребляет природные ресурсы. И хотя это отнюдь не его злая воля, скорее вынужденная необходимость, Природе, олицетворяющей планету с ее ограниченными – не забудем – размерами, ресурсами и возможностями, это не может быть безразлично. **А управу на разбушевавшееся человечество она найдет, что вооруженным глазом легко видеть уже сегодня.**

Отнюдь не безжизненная Природа (вспомните С. Лема с его Океаном!) импульсивно ощущает, что на планете творится нечто неладное, и принимает меры, арсенал которых не исчерпан, едва затронут. Это может означать, что последуют и более серьезные знаки с ее стороны. Но Природа терпелива. Она в состоянии и подождать век-другой, пока люди очнутся и образумятся. От этого все, начиная от судеб человечества и кончая существованием живого на планете, будет зависеть. И потому в моей конструкции поведение Природы, то есть идущие от нее катаклизмы, объем которых будет только возрастать, лишь предупреждение человечеству. Дальнейшее зависит от него самого.

Меня можно причислить к алармистам, хотя сам я себя таковым не считаю, ибо стремлюсь не столько растревожить тихую заводь, сколько побудить многих задуматься над тем, что делать человечеству и что вообще в сложившейся в мире обстановке еще можно сделать. Снова начну с проблемы перенаселения. В отличие от демографов, охотно пользующихся формулами, но не понимающих силы инстинкта отсталых, тех, кто более энергично воспроизводятся, я не склонен полагать, что проблема сама собой урегулируется, а чрезмерно воспроизводящиеся вскоре, вкусив плоды цивилизации, перестанут много рожать. Это пустые расчеты, основанные на благодушном незнакомстве с реалиями, что видно хотя бы из того, как эксперты ООН каждый год поправляют прогнозы демографов в сторону увеличения ожидаемого или реального прироста населения.

Стремительный и с нарастающей силой и скоростью бег вперед остается нормой. И если это не бег к катастрофе, то что ожидать? Явно не придем к коммунизму, не достигнем конца истории по К. Марксу, не будет создан всемирный халифат, не случится ядерной войны, – исходим из этого. Можно выслушать любые коррективы, попытаться понять всех, но главной все равно останется та же неразрешимая проблема: **не может быть счастья для всех, пока закон Природы нарушен.** А задает тон быстрое воспроизводство бедности, нищеты и отсталости рядом с последовательно сокращающимся в объеме и, более того, физически стареющим и, соответственно, слабеющим анклавом тех передовых, кто сохраняют темп в стремительном беге истории.

Оговорюсь: дело не в том, придет ли на смену США Китай. Пусть приходит, а яйцеголовыми станут китайцы. Но во-первых, далеко не все из них мудры, а во-вторых, к тому времени количество бедных и отсталых, в том числе и в самом Китае, а практически везде, станет таким, что мощи передового отряда бегущих вперед окажется для подавляющего большинства заведомо недостаточным. А терпению Природы будет понемногу приходиться конец. Это не произвольное разыгрывание футурологических вариантов. Речь о тех тенденциях, которые давно уже себя проявили. Главная проблема не в том, что кто-то чего-то не хочет сделать. Она в том, что сделать это невозможно.

Об этом позаботилась когда-то сама Природа. Те из людей, кто рождены с достаточным запасом разума и энергии и получили возможность реализовать эти потенции, остановиться в процессе поиска и постоянного движения вперед не могут. Ведь смысл влияния Природы на живущих в том, чтобы побудить их из поколения в поколение – отсекая неприспособленных – органически становиться лучше. Но вмешательство гуманизма буржуазного Запада привело к тому, что неприспособленные не отсекаются. В этом проблема: **гуманное человечество противостоит закону Природы.**

Следствие очевидно. Более других приспособившиеся не преобладают, число их даже сокращается, относительно и абсолютно. Тех высоколобых, чьими усилиями создаются необходимые для процветания, да и просто для существования всех новаций, способствующие обеспечению потребностей возрастающих в числе новых поколений, становится меньше. Взглянем внимательней на них. Умный и способный приобрел немалую квалификацию и опыт, он любит свое дело, считает его главным в своей жизни и остановиться не может. Не то чтобы не хочет, **но именно не может.** А если ему не предоставлены для этого объективные возможности, он непреодолимо будет стремиться поселиться там, где они есть (если они вообще где-то есть). Это современная норма жизни и прекратит ее точно так же невероятно, как сократить воспроизводство бедных и отсталых. Обе нормативные традиции действуют с одинаковой силой и – при всей несовместимости – практически неодолимы.

Проблема наша возвращается к исходной точке. Античность как новая структура и стимулированная природой социополитическая мутация когда-то возникла, чтобы дать толчок стагнировавшему восточному обществу с его бедными и с отсталой структурой власти-собственности. Толчок превратился в постоянно ускоряющиеся шаги вперед, шаги стали стремительным бегом, человечество начало неконтролируемыми темпами численно возрастать при социальном ослаблении его состава. На протяжении достаточно долгого времени это несоответствие не было заметным, но пришла пора, когда не замечать его оказалось невозможным. Природа, обеспокоенная издержками эволюции, требует соблюдения ее законов, для гуманного человечества неприемлемых. А несоблюдение этих законов грозит вполне реальным приближением к ситуации, несовместимой с возможностями планеты.

Перед нами, включая Природу, великий парадокс: стремительный бег истории ускоряет движение к катастрофической ситуации, а без него и новаций очень быстро численно возрастающее человечество с его утяжеляющимся навесом бедных и отсталых обойтись не в состоянии. Оно не может приостановиться, ибо тогда неприспособленное большинство не выживет. Природа рада бы помочь, сделать все, чтобы от излишка живущих избавиться. Но гуманное человечество не позволит ей этого. Итак, резюмирую: интересы людей и Природы оказываются несовместимыми. Разница позиций в том, что не обладающая разумом Природа отчетливо сознает сложность ситуации и делает – и будет делать – все, что в ее силах (а может она, не стоит сомневаться, многое), чтобы не допустить катастрофы. А вот разумное гуманное человечество не то чтобы ничего не сознает, но, будучи человеческим, не может и не считает нужным реагировать на все заранее. Пока, как говорится, гром не грянет...